

Завадский, В. М. Граница еще дымила / В. М. Завадский ; беседовал М. Павлов // Наша Талачыншчына. – 2018. – 26 мая. – С. 3.

ГРАНИЦА ЕЩЁ ДЫМИЛА

Внешность человека обманчива. Это сегодня Владимир Михайлович Завадский, директор районной гимназии, степенный и уважаемый человек. А в молодости он – дерзкий и отчаянный пограничник, два года прослуживший в Таджикистане на границе с Афганистаном.

– Прибыл я туда в начале декабря 1989 года, – рассказывает он свою удивительную служебную эпопею. – И хотя к тому времени афганская война для СССР формально закончилась, граница еще буквально дымилась от пережитого напряжения. Обстрелы с сопредельной территории нарядов, дозоров в зоне ответственности нашего Московского погранотряда, провокации следовали практически ежедневно. Как ни странно, отвечать огнем на подобные действия руководство страны пограничникам запретило. Хотя, бывало, ребята срывались. Особенно, когда теряли своих боевых товарищей.

– В то время было много разговоров, что моджахеды серьезно готовились перенести боевые действия на территорию среднеазиатских республик.

– Перебежчики и, насколько я понимаю, наши разведчики неоднократно предупреждали командование погранотряда о возможном прорыве крупных военных формирований. К подобной информации наконец-то прислушались. В 1990 году мы получили разрешение открывать ответный огонь на поражение.

– Помогло?

– В какой-то степени. Дело в том, что наряду с этим решением поступило и другое, довольно странное распоряжение – отвести регулярные части Советской Армии в глубь страны на 100 километров. По сути дела нас оставляли один на один с противником. Хорошо помню слова командира отряда, сказанные при этом с сарказмом: «Предоставили, сволочи, почетную миссию с честью погибнуть». И ведь как в воду глядел.

– Последовали осложнения?

– А вы вспомните, что случилось с 12-й заставой нашего погранотряда в 1993 году. В зоне ее ответственности крупный отряд таджиков и афганцев пошел на прорыв. Тогда почти все пограничники во главе со своим командиром погибли в неравном бою. К своим прорвались и вышли считанные единицы. Помощь от 201-й мотострелковой дивизии пришла слишком поздно. Не потому, что пограничникам не хотели помочь. Добраться до них было далеко, долго и трудно.

– Когда вы пришли на службу, Советский Союз уже на ладан дышал. Какую роль сыграли пограничники в пресечении кровавых междоусобиц на территории Армении, Азербайджана, Таджикистана?

– Специально созданные механизированные группы отряда по мере возможности гасили эти конфликты. На помощь им прибыли десантники Витебской воздушно-десантной дивизии. При этом, чтобы пресечь вопли Запада, что правительство бросило армию против собственного народа, их переодели в нашу полевую форму. Вместе с нами, плечом к плечу, встали они между враждующими группировками, ввергшими юг страны в гражданскую войну. Благодаря их самоотверженным действиям были спасены от гибели и эвакуированы в безопасное место тысячи ни в чем неповинных людей.

– Чем конкретно вы занимались в отряде?

– Как в той поговорке, был «и швец, и жнец, и на дуде игрец». Любой пограничник у нас, независимо от последующей специализации, проходил специальную тактическую подготовку и был готов действовать в любой обстановке. Я был пулеметчиком, гранатометчиком, водил боевую машину пехоты, вместе с товарищами уходил в дозоры, в составе дежурных групп участвовал в спецоперациях, очень много занимался восстановлением и ремонтом техники на заставах.

– Универсальные солдаты...

– Да. В отряде был случай, когда наше строительное подразделение пресекло деятельность таджикского наркотрафика. Повторюсь, готовили нас очень серьезно, но и спрашивали принципиально и жестко. От маменькиных сыновей, нытиков и слабаков, избавлялись безжалостно. На границе таким не место.

– Обходились в отряде без дедовщины?

– Как вы думаете, буду я обиду держать на сержанта, огревшего меня прикладом по ребрам при первом обстреле? Да я в ноги ему поклонюсь. Потому что научил быстро и эффективно, как действовать в критической обстановке.

– Ну, это крайний случай.

– Загремел я как-то раз на гауптвахту. По сути дела, моей вины в этом не было. Старослужащие вечером разбрались и доложили командованию, как в действительности было дело. Меня освободили немедленно. Любой солдат скажет вам, что в служебных взаимоотношениях много полутонов и оттенков. Одним военнослужащим в силу душевной слабости они в чем-то покажутся издевательскими. Более сильным – обычновенными трудностями, без которых нет и не может быть современной армии.

– Для подобных случаев в подразделении должны быть грамотные командиры.

– Скажу прямо, с командирами мне в отряде везло. Во-первых, все офицеры и прапорщики имели боевой опыт службы не только на границе, но и в Афганистане. Во-вторых, были людьми грамотными и порядочными. В-третьих, патриотами пограничных войск. Подумайте только, где и в каких условиях им довелось служить. А каково при этом приходилось их семьям! К слову, уроженцев нашей республики на границе в те годы тоже много служило. В том числе и среди командного состава отряда.

– Потери среди пограничников за время службы в отряде были?

– Были. Так уж сложилось, что мне довелось лично участвовать в изготовлении цинковых гробов для шестерых парней. И получить при этом нравственный урок на всю жизнь. Не заладилось на последнем из них что-то со швом, который пришлось накладывать на нестандартный подручный материал. Бросил в сердцах: что мучиться, пайкой исправим. Ротный услышал, к себе подозвал и очень жестко сказал: «Если ты так спокойно говоришь в такую минуту, в погранвойсках тебе делать нечего. Отправляйся в запас».

Не скрою, было очень стыдно и больно. К слову, тела всех пограничников, погибших в Афганистане за годы войны, были доставлены и достойно похоронены на родине. Пропавших без вести среди них нет.

– Что-то материальное на память о службе осталось?

– Очень немногие фотографии и две дорогие для меня награды: «Отличник погранвойск 1 и 2 степени», которые в нашей среде очень ценились как у солдат, так и у офицеров. С ними у меня тоже была история. Один из ретивых проверяющих изъял и увез с собой запрещенные, как он посчитал, вещи демобилизующихся пограничников. А вместе с ними «уплыли» в неизвестность и мои отличия. Проведав об этом, начальство, видимо,

ему ласково объяснило, что так делать нельзя, и приказало все вещи вернуть. Но попробуй тут угадай, когда для них случится оказия. Тяжкое испытание для людей с документами на увольнение на руках.

— Не горюй, — утешил тогда меня старшина. — Помогу твоему горю. Зайди ко мне домой вечерком.

Захожу. Чувствую, неловко ему. Со смущением передает он мне эти награды и говорит: «Извини, на одном крепление погнуто. Сын постарался, когда отвинчивал».

Оказывается, для меня он их со своего кителя снял...

Не скрою, вышел я из подъезда со слезами в глазах.

Беседовал Михаил ПАВЛОВ